

**О книге Драгалиной-Черной Е.Г. «Неформальные заметки о логической форме», СПб.: Алетейя, 2015. – 202 с.**

*Павлов-Пинус К.А., ИФ РАН, Москва*

---

При некоторой неприязательности и узкопрофильности названия, небольшая книжка Е.Г.Драгалиной-Черной, по большому счету, выходит далеко за пределы анонсированной заглавием темы. Эта книга – о некоторых значимых фрагментах истории того, каким образом в разные эпохи и в разных культурах воплощалась идея ответственного человеческого существования, принимая форму соответствующих теорий и общественных институций, прямо или косвенно связанных с понятием «логика». В каком-то смысле эта книга *о логике как о теоретической мечте* человечества, или особого рода утопии, задающей не только градиент теоретических изысканий, но и основу для практических ориентиров – в разные времена, в разных обществах и с разных философских перспектив по-разному.

В отличие от многих специализированных монографий по философии логики, тематизирующих свой предмет преимущественно через анализ *результатов* логических исследований, здесь нам предложена попытка увидеть логику сквозь разнообразную оптику ее *замыслов*, имевших место в истории мысли. Именно этот ход позволяет увидеть сущностную незавершенность большинства проектов осуществления логики: благодаря возможности соотнесения замысла с его осуществлением, у читателя появляется возможность почувствовать, в каком смысле «логика» является вообще незавершимым проектом (с.167). В том же смысле, например, в каком незавершимым проектом остается концепт *этики* (с.164-5). Авторская позиция как раз и возвращает наше понимание логики в исконный и единственно сообразный своему предмету контекст: логика имеет смысл логики только в смысловом пространстве, заданном тремя базовыми конституентами – «логика, истина, ответственное мышление». Действительно, без ориентации на то или иное понимание истины, теоретический проект «логика» теряет свою над-конвенциональную обязательность. С другой стороны логику и этику роднит постоянная рефлексия о границах собственной автономии и о природе собственных начал, без которой и та, и другая превращаются в набор догматических схем и предписаний, не ясно откуда взявшихся и с непроясненными источниками своей легитимации. О том, как всё это может быть тематически связано и каким образом воплощено в тех или иных теоретических построениях, как раз и идет речь в данной книге.

Формулировки основного вопроса, поиском ответа на который увлечен автор, рассыпаны по всей книге, от Введения до Заключения. Вопрос этот, в самых разных интерпретациях звучит следующим образом: Является ли граница, отделяющая логику от не-логики, делом конвенциональным или же она определена более глубоким образом? (с.5). Кто тот идеальный рефери, определяющий общезначимость правил логичности и рациональности (с.129-131)? Как описать того субъекта знания, который в действительности определяет суть нормативности нормы, логичность логики, и т.п. (с.142, 161)? Если это не всеведающий бог или некий иной вне-временный и всезнающий гарант «правильности», а конечный во всех ключевых отношениях субъект (или социум субъектов) с ограниченными эпистемическими возможностями, то

где же тогда границы произвола в вопросе различия между логическими и нелогическими выражениями языка (с.83, 99, 101, 159).

Все эти вопросы можно переформулировать. Дело в том, вопрос о том, что делает логику логикой уже давно получил такой ответ – логическая форма. Соответственно, новая формулировка заключается в следующем: как отличить логическую форму от других типов форм, и что является «последней инстанцией», отвечающей за проведение границы между логической формой и не-логической формой?

В каком-то смысле центральная трудность *всей философии логики* заключается в том, что с одной стороны, логическая форма *должна* быть предметом изучения логики, но с другой стороны, именно «логическая форма относится к числу ее базовых неформальных понятий» (с.167). Это «фундаментальный парадокс» философии логики, равно как и самой логики. В самый *замысел* логики (как таковой) входит идея, что по самому смыслу логика *обязана* притязать на то, чтобы ее основания были и «последними», и ей же самой принадлежащими. Но это значит, что основания логики должны быть логически продуманы и, соответственно, должны обладать неоспоримым логическим статусом, фундаментальность, первичность которого логически же обоснована. Афоризм Л.Витгенштейна совершенно верно схватывает суть дела: «Логика должна сама заботиться о себе». И это так поскольку «за» логикой уже нет ничего более строгого и логичного: в этом смысле за ее пределами уже некуда больше глядеть, не на что и не на кого ссылаться, – она и есть последняя значимая инстанция, определяющая самое себя, свою специфику как меру всякой строгости вообще. Наоборот, логика есть мера строгости всех вещей. .... И тем не менее, именно эти самые «неоспоримые» начала логики являются непрекращающимся предметом споров...

Теперь немного о конкретных деталях и формулировках. Сюжетная линия книги выстроена вокруг различия между субстанциальным и динамическим подходами к пониманию «логической формы». Субстанциальное понимание, в свою очередь, естественно подразделить на схематическую и теоретико-модельную формальность; динамическую же формальность естественно подразделить на конститутивную и регулятивную формальность. Удивительным образом, отец логики Аристотель, по-видимому, не подпадает строго ни под одну из этих рубрик, о чем довольно много и говорится в монографии. Скорее всего, теоретическое чутье этого великого ученого подсказывало ему необходимость учета всех особенностей открытой им науки: от различия между формальными и материальными аспектами до принятия во внимание контекстуальной специфики логического рассуждения. Думается, последнее обстоятельство как раз и объясняет замечание Коркорана, приводимое Е.Г.Драгалиной-Черной, связанное с тем, что Аристотель вообще не рассматривал язык вне его предполагаемой интерпретации (с.33).

Переход от схематического к теоретико-модельному пониманию формальности (внутри субстанциального понимания логической формы), а затем и переход от субстанциального к динамическому пониманию более или менее соответствует хронологическому порядку разработки этих логических идей (хотя, как и всегда, для любой классификации можно указать те или иные контр-примеры и казусы, выпадающие из общей схемы; границы любых исторических классификаций являются размытыми и подвижными). Причина смещения акцентов с субстанциальных аспектов логики на динамику связана с тем, что субстанциальное понимание формальности «не предполагает отнесения характеристики формальности к той деятельности, в результате которой возникают подобные формальные объекты. Переключение внимания на эту деятельность означает, в свою очередь, переход от субстанциальной к

динамической модели формальности» (с.101). Главными героями этого раздела монографии оказываются, в первую очередь, Л.Витгенштейн, но также и И.Кант, и Ч.С.Пирс, и когнитивные психологи, «полевые исследования» которых весьма основательно поставили под вопрос кажущуюся беспроблемной связь между рациональностью и логичностью. Ключевым концептуальным различием раздела, посвященного конститутивной формальности, можно назвать различие между «рассуждением *для* интерпретации» и «рассуждением *из* интерпретации» (с.123). Именно в этих терминах автор эксплицирует основания, по которым логику неправомерно называть нормативной наукой: логические рассуждения на практике всегда контекстно зависимы (с.124). В свою очередь, нетрудно понять, что критика тех исследователей, которые пытаются сохранить за логикой статус нормативной науки, впадают в *логически неминуемый* порочный круг (с.125). Тем не менее, позиция критиков нормативности также не является логически безупречной.

Одним из возможных выходов из сложившегося затруднения является переход к рассмотрению логики в свете регулятивной, а не только лишь одной конститутивной формальности. Я не буду раскрывать все карты и предвосхищать все имеющиеся в монографии ходы – заинтересованный читатель найдет их сам.

Хотелось бы указать еще на одно важное обстоятельство. На презентации своей книги Елена Григорьевна Драгалина-Черная уверила слушателей в том, что представляемая читательскому вниманию книга есть лишь начало, набросок значительно большего по объему проекта, в котором многие поставленные в данной монографии, но пока не нашедшие своего ответа вопросы будут разрешены, или, по крайней мере, более подробно обсуждены. Будем надеяться, что так оно и выйдет, и что в недалеком будущем мы получим возможность погрузиться в многочисленные детали этого непростого и очень спорного во многих отношениях предмета исследования.

## Литература

Драгалина-Черная Е.Г. Неформальные заметки о логической форме. СПб: Алетейя, 2015. 202 с.

## References

Dragalina-Chernaya, E.G. *Neformal'nye zametki o logicheskoy forme* [Informal Notes on the Logical Form]. Saint-Petersburg: Aleteiya Publ., 2015. 202 pp. (In Russian)